

Научная статья

УДК 004

doi: 10.17223/1998863X/67/10

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ – ОТ НАКОПЛЕНИЯ К РАСТРАТЕ?

Валерия Андреевна Колычева

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
v.kolycheva@spbu.ru, the-val@mail.ru*

Аннотация. Главной целью работы становится проверка вопроса, вынесенного в ее заголовок, на основе анализа доступных источников и итогов эмпирического исследования. Полученные выводы говорят в пользу наметившейся социальной растраты накопленного человеческого капитала, проявляющейся в нарушении порядка ранжирования классической триады знание–информация–транспарентность; причем, что особенно важно, зарождение данного явления произошло в предпандемийном обществе.

Ключевые слова: человеческий капитал, современное общество, знание, информация, транспарентность, Интернет, социальные сети, принятие решений

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 20-18-00365).

Для цитирования: Колычева В.А. Человеческий капитал в современном обществе – от накопления к растрате? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 105–119. doi: 10.17223/1998863X/67/10

Original article

HUMAN CAPITAL IN MODERN SOCIETY – FROM ACCUMULATION TO WASTE?

Valeria A. Kolycheva

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, v.kolycheva@spbu.ru,
the-val@mail.ru*

Abstract. The theory of human capital of Nobel Prize laureates in Economics Theodore Schultz and Gary Becker, which became the key idea of the era of the birth of the post-industrial information society in the second half of the past century, first raised the question about the special role of qualified personnel in the long-term growth of the country. Schultz stated the need to invest in the individual as a component of the aggregate, and Becker, in turn, supported this thesis with a number of calculations that demonstrated the advantages of workers with special education over their colleagues without it. In fact, this was the first publicly available confirmation of the economic efficiency of such a philosophical category as knowledge. Today, with all the variety of scientific interpretations of the term “human capital” – from the main element of the state’s wealth to the creative abilities of the individual – the concept “knowledge”, highlighted by Becker, remains its absolute center and the most important inseparable part. At the same time, just in our days, the period of seemingly marginal accumulation of human capital begins to feel, so to speak, a narrowing of its core – human knowledge. Let us try to support the stated thesis with a few convincing illustrations. Let us start with an article by the authoritative modern philosopher Haridimos Tsukas (University of Cyprus), which received the unusual title “The tyranny of light: The

temptations and the paradoxes of the information society” and was published in 1997. The author builds the following logical chain. In our time, the concept “information” replaces the classical definition of the term “knowledge”. Information, in turn, is now tacitly understood as a system of skills for the functional use of technologies. The instrumental ease with which such manuals are collected, processed, stored, retrieved, and distributed is a substitute, making it seem that they are objective, and therefore do not require confirmation or clarification. More than 20 years have passed since the publication of this research, let us add one more link to the chain: the readiness of the society to accept this postulate and the lack of information evidence, unconditionally acutely felt today, raise the question of a conscious social rejection of knowledge as a verifiable category. The main aim of the work is an empirical verification of the question posed in its title. In order to study the problem in depth, a questionnaire consisting of 12 closed questions was developed. The content of the questionnaire was represented by 8 situational tasks that the respondents were asked to resolve. The targeted part of the observation program included 4 factor characteristics (gender, age, occupation, educational level of the respondents) according to the research hypotheses that determine the answer to its main question. The survey was attended by 1045 spontaneous informants, whose responses revealed representative mass trends. The results of the empirical study, entitled “Decision-making mechanisms in modern conditions”, showed that, first, the overwhelming majority of the survey participants identified themselves as active supporters of self-learning in an unfamiliar field of knowledge, using data provided in the Internet. This contradicted the fact that, second, with the addition of the specified circumstances, the readiness to search for information decreased among respondents with the complication of the situational task. Third, the willingness to choose the services of a professional specialist did not show any dependence on the gender and age. Fourth, the participants with the highest predicate of received education demonstrated the highest informational independence. The empirical study was conducted in the pre-pandemic period, so the value of its results lies in a certain reflection of the degree of Russian society’s readiness to introduce restrictive measures.

Keywords: human capital, modern society, knowledge, information, transparency, Internet, social networks, decision making

Acknowledgments: The study is supported by a grant from the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00365.

For citation: Kolycheva, V.A. (2022) Human capital in modern society – from accumulation to waste? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Poliologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 105–119. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/67/10

Средство сообщения есть само сообщение.

М. Маклюэн (*Herbert Marshall McLuhan, 1911–1980*), социолог, философ.

Энтропия... возрастает только в замкнутой системе.

К. Кузи (*Kenneth Elton “Ken” Kesey, 1935–2001*), писатель, философ.

Как известно, теория человеческого капитала лауреатов Нобелевской премии по экономике Т. Шульца и Г. Беккера, ставшая ключевой идеей эпохи зарождения постиндустриального информационного общества второй половины прошлого века, впервые поставила вопрос об особой роли квалифицированных кадров в долгосрочном росте страны. Шульц заявил о необходимости инвестирования в отдельного человека как составляющей совокупности [1], Беккер, в свою очередь, подкрепил данный тезис рядом расчетов, продемонстрировавшим на примере доходов преимущества трудящихся со специальным образованием над их коллегами, такового не имеющими [2]. По сути, это явилось первым общедоступным подтверждением экономической эффективности такой философической категории, как знание. Сегодня при всем многообразии научных трактовок термина «человеческий капитал» – от глав-

ного элемента богатства государства до креативных способностей личности – именно выделенное Беккером понятие «знание» остается его безусловным центром и важнейшей неотделимой частью. Вместе с тем, как раз в наши дни, период, казалось бы, предельного накопления человеческого капитала, начинает ощущаться, если так можно выразиться, сужение его сердцевины – знаний человека.

Попробуем подкрепить заявленный тезис несколькими убедительными иллюстрациями. Начнем со статьи авторитетного современного философа Х. Цукаса (Кипрский университет), получившей необычное название «Тирания света¹: искушения и парадоксы информационного общества» и вышедшей в печать в 1997 г. Автор строит следующую логическую цепочку. В наше время понятие «информация» вытесняет собой классическое определение термина «знание»². Под информацией, в свою очередь, сегодня негласно понимается система навыков по функциональному использованию технологий. Инструментальная легкость, с которой подобные руководства собираются, обрабатываются, хранятся, извлекаются и распространяются, осуществляет подмену, заставляя думать, что они объективны, а следовательно, не требуют подтверждения или уточнения [4]. С момента публикации анализируемой работы прошло свыше 20 лет, позволим себе добавить еще одно звено цепи: готовность общества безоговорочно принять данный постулат, бездоказательность информации, остро ощущаемая сегодня, ставит вопрос о сознательном социальном отказе от знания как категории проверяемой. «Информация – инструмент знания... очень часто даже „улучшенная“, т.е. без помех и ошибок, она может получить неправильное осмысление... и тогда многие осознают, что не они владеют информацией, а, наоборот, она овладела ими» [5. С. 17].

В последние годы в открытой печати появляются статьи, достаточно категорично характеризующие общественно-информационные (именно так) проблемы современности. М. Эндсли, глава крупнейшей компании по разработке программного обеспечения (SA Technologies Inc.), утверждает, что повсеместное (и фактически безнаказанное) распространение ложных сведений через взб-ресурсы постепенно приводит к искажению в восприятии людей общепонимаемых, известных, можно сказать, с рождения фактов [6].

Ранее профессор К. Фуч (Уппсальский университет) «для оценки современных процессов коммуникации... использовал понятие „prosumption“ (в отличие от „consumption“ – потребление), как объединяющее производство информации с ее потреблением. Это понятие отражает то, что современные технологии (Интернет) позволяют объединить в одном лице и производителя, и потребителя информации» (цит. по: [7. С. 13]). Один из самых популярных современных журналистов, лауреат Пулитцеровской премии Т. Фридман в своем бестселлере «Плоский мир: краткая история XXI века» (The World Is Flat: A Brief History of The Twenty-first Century) продолжает эту мысль: «...потребители информации все больше превращаются в ее производителей,

¹ Профессор Цукаса прибегает (и намеренно это подчеркивает) к известной метафоре, распространенной с эпохи Просвещения: свет как знание (*Прим. авт.*).

² Знание – результат процесса познавательной деятельности. Обычно под знанием подразумевают только тот результат познания, который может быть логически или фактически обоснован и допускает эмпирическую или практическую проверку [3].

все больше привыкают формировать окружающее пространство по *своему* (выделено автором) выбору – находить его тогда, там и так, когда, где и как им этого хочется» (цит. по: [8. С. 19–20]). Таким образом, «информацией... может быть только новое, последнее, превращающееся в неинформацию, т.е. уже в старое, как только сообщение было представлено аудитории» [9. С. 112], т.е. потреблено.

Исследователи М. Флак (Вестминстерский университет) и Д.Р. МакКарти (Мельбурнский университет) в свою очередь пишут о феномене вытеснения так называемой транспарентностью, иными словами, соединением открытости, доступности и удобства подачи данных, не только знания (вспомним цепочку Цукаса), но и самой информации [10].

«Однако доступность данных, – пишет профессор Санкт-Петербургского государственного университета М.Л. Пятов, – не изменила наших умственных способностей, оставшихся в целом такими же, какими они были и в ХХ в. Даже если среднестатистический человек пожелает стать профессионалом во всех областях, данными о которых он интересуется в интернете сегодня, он будет попросту не в состоянии этого сделать из-за своих совершенно естественных ограничений как представителя вида.

Данная ситуация очень быстро сформировала запрос массового пользователя данных на максимальное упрощение формата и содержания предоставляемой ему информации, ее максимальной схематизации, визуализации, уменьшения объемов использования специальной терминологии, максимальный уход от „академичности“ предлагаемых материалов и т.п. И этот запрос стремительно был удовлетворен, и эта тенденция максимального упрощения подачи данных продолжает набирать обороты» [8. С. 20]. «Соответственно, меняются и техники чтения – чтение, что называется, по строчкам уступает место „сканированию“, штурмовому полету над текстом» [11. С. 6].

Профессор Высшей школы менеджмента Корнеллского университета, специалист по управлению информационными технологиями Л.В. Орман в статье с красноречивым названием «Информационный парадокс: жажда знаний тонущего в информации» (Information Paradox: Drowning in Information, Starving for Knowledge) называет современное общество менее всего осведомленным за всю историю человечества. Основная причина, по мнению ученого, заключается в том, что для ряда благ не только не оправдывает себя закон перехода увеличивающегося количества в качество, но даже, напротив, срывает во вред самой природе подобного блага [12].

Попробуем подтвердить либо опровергнуть заявленные философско-теоретические гипотезы на основании анализа источников, базирующихся на эмпирических результатах. Сразу же следует отметить, что у ученых, работающих с полевыми данными в этой области, наблюдается очевидное предпочтение одного, можно сказать, ключевого предмета исследований. Так, самая популярная, преимущественно в зарубежной, аналитике внутри этого направления тема – зависимость подрастающего поколения от интернет-ресурсов и получения распространяемых там сведений. Активизация подобных обследований стала заметной с 2010-х гг., во всех случаях учеными опрашивалось не менее тысячи обучающихся – школьников и студентов различных уровней образования. Что «позволило» к настоящему моменту признать факт явной подчиненности, прежде всего, молодежи стремлению регу-

лярно приобщаться к процессам, протекающим в глобальной сети, следующим странам: Китаю [13, 14], Южной Кореи [15, 16], США [17, 18], Израилю [19], Португалии [20], Испании [21, 22].

В Японии, государстве почти со 100%-й долей пользователей беспроводных интернет-технологий среди населения, было проведено общенациональное наблюдение выпускников, выявившее угрожающую степень зависимости [23]. В нашей стране привлечение внимания к проблеме нарастания сетевой подчиненности в среде новых поколений и поиску путей ее решения осуществлено, в частности, в работах: [24–26].

Справедливости ради отметим, что один авторитетный ученый, Д.Н. Джедд (Национальный институт психического здоровья, США), практикующий детский и подростковый психиатр, высказался в открытой печати о преувеличении исследователями сетевых страхов и негативного влияния информационного пространства Интернета на юные поколения [27]. По мнению доктора Джедда, большая часть современных работ по этой теме «напоминают паникерскую риторику, которая уже звучала в истории из-за телефона, бульварных романов, комиксов и телевизора» [27. С. 104].

Говоря о российских реалиях (с доступом к всемирной сети около трех четвертей граждан, что в абсолютном выражении примерно соответствует народонаселению Японии), оценка профессора Д. Джедда может показаться обоснованнее и корректней, чем эмоциональные суждения его более встревоженных коллег, хоть и явно превалирующих количественно. Вместе с тем именно в нашей стране усилиями специалистов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) была выявлена весьма отличительная подчиненность интернет-пространству, причем среди представителей старших возрастных групп (в выборку в отличие от зарубежных обследований как раз не включались дети, подростки, молодежь). Итак, наблюдаются следующие динамические изменения: в 2006 г. никто из отвечавших не признавал сетевые ресурсы в качестве источника информации, в 2012 г. их доля составила 46% [28], в 2014 – 81% [29]. Дополним обозначенную тенденцию итогами исследования, посвященного роли Интернета в жизни пожилых граждан нашей страны: поиск информации как цель использования всемирной сети в 2009 г. был выбран 19,0% респондентов, в 2014 г. – 84,4% [30. С. 83].

Показательно, что описанная тенденция разворачивается на фоне устоявшегося недоверия российских граждан отечественным СМИ: так, с 2004 г. уровень доверия россиян всем источникам массовой информации, за исключением Интернета, заметно снижается. В 2018 г. наивысшая доля респондентов (свыше 40%) в качестве источника наиболее точной и достоверной информации выбирают именно Всемирную сеть [31. С. 656]. Наконец, своевременным представляется подвести некоторые итоги влияния ограничительных мер на рассматриваемую проблематику: согласно результатам последнего исследования ВЦИОМ, наивысший прирост (а именно на 12%) показало стремление респондентов «оставить» в Интернете после окончания режима самоизоляции «просмотр кино» и... «получение образования» [32], знания, как было показано выше, к сожалению, далеко не всегда содержащего...

Попробуем подтвердить/опровергнуть поставленную проблему путем эмпирической проверки. Исследование, прошедшее под общим названием

«Механизмы принятия решений в условиях современности», в форме онлайн-опроса в сети Интернет, формировавшегося по принципу «снежного кома» в социальных сетях, известного как репост, проводилось в течение календарного месяца – с 5 сентября по 5 октября 2019 г. Программа включала в себя 12 закрытых вопросов с возможностью выбора одного варианта ответа. Цензом, сформировавшим круг интервьюируемых, стало пользование соцсетями в Интернете. Опрос объединил позиции 1 045 информантов.

Ценз исследования – доступ к Интернету и регистрация в социальных сетях – был выбран неслучайно, хотя, казалось бы, подобное ограничение всегда негативно отражается на составе совокупности, а именно, задает перекосяк в сторону более молодых участников. Тем не менее решение не включать в выборку отвечающих «недостающего» возраста, образования или рода занятий искусственно, т.е. не через репост, было сделано осознанно, во-первых, для того чтобы не снизить чистоту проверяемой гипотезы, связанной как раз со способом получения нужных сведений, и, во-вторых, с целью объективно увидеть заинтересовавшихся анкетой пользователей. «Сетевое общество является социальной структурой, характерной для Информационного Века... как индустриальное общество отражало социальную структуру капитализма XX столетия, – поясняет М. Кастельс, один из ведущих социологов современности и самый цитируемый ученый в области теории (пост-) информационного общества, – именно опора на сети становится ключевой чертой социальной морфологии Нового Века» [33. С. 5]. Я. ван Дейк, профессор социологии Университета Твенте, присваивает XXI столетию статус эпохи сетей, поскольку именно сети (как единство индивидуальностей. – В.К.) становятся «нервной системой» современного высокотехнологического общества¹ [34. С. 2].

Программа включила в себя четыре логических фактора (пол, возраст, род занятий и уровень полученного образования), с высокой степенью вероятности коррелирующих с результативным признаком – стремлением человека прибегнуть к помощи специалиста в различных жизненных ситуациях. Последние распределялись по степени квалификации профессионала и, соответственно, значимости для респондентов – от поломки, к примеру, крана до принятия решения об операционном вмешательстве².

Исходя из признаков-факторов адресной части, сформировались априорные гипотезы исследования. Итак, стремление индивидуума в разных обстоя-

¹ Здесь более чем уместно провести параллель со ставшим классическим высказыванием доктора М. Маклюэна о социуме середины прошлого века: «...главная особенность электрической эпохи состоит в том, то она создает глобальную сеть, во многом похожую по своему характеру на нашу центральную нервную систему» [35. С. 400].

² Представьте ситуации:

У Вас проблемы с сантехникой. Вы, в первую очередь:

Попробуете починить поломку самостоятельно, используя видеонструкцию на канале YouTube.

Попросите помощи у соседей / знакомых / друзей.

Вызовите специалиста-сантехника.

Врач диагностирует у Вас необходимость операции, Вы:

Согласитесь на хирургическое вмешательство, так как доверяете квалификации специалиста-медика.

Перед принятием решения обязательно посоветуетесь с родными и близкими.

Постараетесь безэмоционально уточнить свой диагноз с помощью информационных медицинских порталов для пациентов.

тельстввах сделать выбор в пользу услуг квалифицированного специалиста: 1. Не зависит от половой принадлежности¹. 2. Повышается с количеством прожитых лет². 3. Невысоко среди обучающихся (школьники и студенты) и значительно среди работающих или находящихся на пенсии профессионалов³. 4. Растет с образовательным уровнем⁴.

Выбранные программа и ценз, принципиальные для данного исследования, требуют некоторых комментариев. Предложенные респондентам варианты ответов, по три для каждой из восьми ситуаций, не ставили своей целью полностью исчерпать все возможные действия людей в заданных обстоятельствах, но представляют собой дискретные положения в линейном ранжировании – от преимущественного доверия мнению профессионала до недоверия таковому, а, значит, предпочтения альтернативных общедоступных информационных ресурсов (читай, сети Интернет). «В определенной степени доверие профессионалу, профессиональному институту... трансформируется в доверие алгоритму поиска информации и себе как ее пользователю» [8. С. 24]. В качестве промежуточного между двумя полярными точками ранга занимал место вариант ответа, основанный на стремлении индивидуума обратиться к менее квалифицированным, но более доверительным носителям информации (как правило, это круг семьи и близких друзей).

В ситуационных задачах исследования под разными ракурсами повторялась одна и та же тема – здоровье человека. Здесь также прослеживается ранжированный порядок – от легких (лечение насморка) до тяжелых (операционное вмешательство) решений. Это было сделано вполне осознанно. Представляется, что именно данная часть жизнедеятельности индивидуума и общества сильнее всего пострадала от информационной транспарентности наших дней. «Так понимаемые медиа формируют и специфический *медиа-контент* – сказки и мифы (выделено автором) электронного века (информационного общества)» [9. С. 117]. Приведем примеры. В 2002 г. в одном из специализированных медицинских журналов появилась статья практикующих врачей-кардиологов, дословное название которой может быть переведено как «Врачи, пациенты и Интернет: пора хвататься за крапиву» (Doctors, patients and the Internet: time to grasp the nettle). Заголовок работы более чем красноречиво отражает ее содержание, проблематика которого сводится к следующим ключевым тезисам. Нормой современных отношений «доктор–пациент» становится обращение больного к специалисту лишь после выставления самодиагноза при помощи сетевых ресурсов, как бы для подтверждения собственной правоты. Интернет-информация в области медицины, в по-

¹ Представляется, что распространенное в современном обществе семейное и профессиональное равенство мужчин и женщин должно спроецироваться и на выбираемые ими механизмы принятия жизненных решений, т.е. в данном случае эти предпочтения должны быть одинаковыми для обоих полов.

² Общеизвестно, что во все времена любые новинки быстрее воспринимаются молодой прослойкой социума; то же логически должно проявиться и в вопросах самостоятельного интернет-образования.

³ Поскольку действующие профессионалы (либо действовавшие ранее) хорошо знают, что уровень квалификации в большинстве трудовых областей повышается с опытом работы или стажем, то именно эта когорта респондентов должна тяготеть к выбору услуг специалиста.

⁴ Схожий принцип заложен и в это предположение: углубление знаний в одной области ведет не только к неизбежному «отставанию» знаний в другой области, но и к пониманию истинной сложности наработки высоких профессиональных навыков.

давляющем большинстве случаев неточная, а иногда даже попросту опасная для здоровья людей, вызывает трудность при необходимости ее прокомментировать у занятого врачебного сообщества. Что трактуется контингентом заболевших как профессиональная некомпетентность; это мнение усугубляется тиражированием в сети случаев (бесспорно, имеющих место быть, но далеко не исчерпывающихся ими) ошибочной постановки диагноза специалистами. Катастрофическим последствием сказанного становится предпочтение все большим числом обывателей мудрого интернет-лечения, вплоть до самостоятельного «принятия прикроватных решений» (bedside decision-making), т.е. решений уровня вопросов жизни и смерти [36].

Вскоре после выхода нашумевшей статьи, в 2004 г., широким кругом неравнодушных профессионалов (ученые-исследователи, врачи-клиницисты, инженеры-программисты, социологи, экономисты и политологи) было создано Международное общество по исследованию интернет-вмешательств, целью которого ставится содействие научному анализу информационных и коммуникационных технологий, имеющих поведенческие, психосоциальные, медицинские и психические последствия для электронного здоровья (eHealth) человека [37, 38]. В 2018 г. группой ученых – экспертов в области долечебного здравоохранения были изучены ресурсы для пациентов (всего 4 851 запись) при помощи браузера Google Chrome. Область эксперимента ограничивалась возможностью успешной профилактики женских онкологических заболеваний посредством интернет-советов. Специалисты, опираясь на истории уже конкретных болезней, пришли к выводу о полной неэффективности подобных информационных источников. В то же время, осознавая настрой современного общества на сетевой самоконтроль здоровья, ученые призвали медицинское сообщество к объединению усилий по созданию профессионально выверенных общедоступных онлайн-ресурсов [39].

Начнем подведение итогов настоящего исследования с рассмотрения его адресной части. Итак, анализ этой части программы позволил дать совокупности, объединившей позиции, напомним, 1 045 информантов, следующую характеристику. Женщины среди отвечавших превалировали над мужчинами (что традиционно почти для всех видов опросов) втрое – 785 человек, или 75,3% против 257 и 24,7 соответственно. Средний возраст для обоих полов составил 29 лет, медианный – 26. Для женщин оба показателя аналогичны, в распределении мужчин средняя величина чуть ниже – 28 лет (медианы совпадают). Незначительный размах вариации позволяет трактовать все совокупности как весьма однородные с точки зрения возраста заинтересованных участников, что во многом определило распределения по остальным признакам. По роду занятий, таким образом, более всего было работающих – около двух третей (707/67,9), далее шли студенты – примерно одна треть (309/29,7); численности школьников и пенсионеров невелики и практически равны друг другу (11/1,1 и 14/1,3). Среди образовательного уровня с заметным отрывом лидировало высшее (764/73,4), затем среднее – меньше в 4,5 раза (170/16,3); достаточно любопытно, что отвечавших с ученой степенью (62/6,0) оказалось больше чем со средним специальным образованием (45/4,3).

Необходимо охарактеризовать пробелы опроса, как правило, неизбежные для любого массового обследования. Несмотря на то, что все вопросы программы трактовались как обязательные, сводка показала 59 пропусков, не

более одного в листе отдельного респондента. Общая сумма пробелов адресной части составила 24, содержательной – 35. При максимуме ответов, равном 12 540, доля «пустот» не достигла 0,5%.

Перейдем к описанию и анализу содержательных результатов исследования. Итак, стремление примерить на себя роль специалиста ярче всего проявляется в наиболее обыденных ситуациях (посещение продуктового магазина и аптеки)¹. В рамках остальных типовых примеров, с которыми респондентам объективно приходится сталкиваться не каждый день, большинство доверилось совету близкого круга людей. Работа эксперта однозначна была выбрана отвечающими только в редко встречающихся обстоятельствах (наследование антиквариата)². Крайне показательно, что при переходе от практических положений в теоретическую плоскость подавляющая доля участников остановилась на личном поиске информационных источников³. Напомним, что ранее самостоятельное решение проблемы предпочиталось респондентами лишь в самых простых ситуационных задачах.

Теперь более детально изучим аналитические группировки, построенные на основе факторных признаков исследования, а именно пола отвечающих, их возраста, рода занятий и уровня образования. Возможно констатировать, что первая выдвинутая гипотеза подтвердилась: в большинстве случаев (шесть из восьми) выбор мужчин и женщин совпал. При поломке сантехники мужчины предпочли самостоятельную починку, женщины – вызов специалиста. Мужчины склонны соглашаться на хирургическое вмешательство, тогда как женщинам предпочтительнее совет родных и близких. Любопытно, что у представителей обоего пола проявилась дихотомия при переходе от конкретизированных ситуаций к обобщениям: так, и мужчины, и женщины оценивают себя как стремящихся к информационной самостоятельности, на деле же проявляют ее в самых обыденных обстоятельствах, что уже характеризовалось выше.

Вторая гипотеза – о влиянии возраста – полностью опровергается результатами проведенного исследования: отсутствие, какой бы то ни было, прямой либо обратной, зависимости.

¹ Вы простудились и плохо себя чувствуете. Вы:

Обратитесь к врачу.

Проконсультируетесь с фармацевтом в аптеке.

Подберете лекарство самостоятельно, изучив информацию в Интернете.

При выборе продуктов питания Вы, прежде всего, доверяете:

Рекламе товаров в уважаемых информационных источниках.

Рекомендациям Вашего диетолога.

Только тем производителям, которые размещают подробный состав продукта на упаковке.

² Вы унаследовали антикварную вещь; для того, чтобы верно оценить ее стоимость, Вы:

Обратитесь в комиссионный магазин.

Закажете атрибуцию у аккредитованного эксперта.

Используете онлайн-методы, предлагаемые такими компаниями, как Sotheby's и Christie's.

³ Вам требуется разобраться в какой-то незнакомой Вам области, Вы:

Выберете подходящие онлайн-программы.

Запишетесь на аудиторные курсы с преподавателем или наймете репетитора.

Найдете необходимые источники в Интернете и попытаетесь освоить их самостоятельно.

Вы стараетесь прибегнуть к помощи специалиста-профессионала:

Всегда, когда представляется такая возможность.

В вопросах, в которых сам не являюсь профессионалом.

Если доступных источников информации не достаточно, чтобы разобраться в проблеме самостоятельно.

Третье предположение – о воздействии профессионального статуса учащегося и специалиста (нынешнего или бывшего) – не подтвердилось. Прежде всего, выяснилось, что единство в ответах проявилось у студентов, работающих и пенсионеров. Тогда как предпочтения школьников оказались обособленными от выбора прочих респондентов. В целом именно получающие начальное образование продемонстрировали наивысшую тягу к доверию профессионалам.

Заключительная гипотеза – о зависимости механизмов принятия решений от предиката образования участников опроса: по схожести мнений ответы респондентов очевидно объединились в две противоположные группы – информантов со средним и специальным, а также высшим и послевузовским образованиями. Таким образом, можно наметить действие заметной обратной взаимосвязи по данному фактору.

Похожая тенденция была обнаружена швейцарскими учеными (WEMF research commission) на основе двух телефонных опросов, сформировавших репрезентативную выборку из 853 (1999 г.) и 1 557 (2000 г.) информантов, различных по полу и возрасту, а также уровням образования и дохода (MA Comis Survey). Из четырех факторов воздействие проявилось по образовательному признаку, а именно выяснилось, что лица с более высоким предикатом образования в принципе являются максимально активными пользователями Интернета. Объяснялось это целями обращения к сети: более образованные участники применяли Интернет как источник информации, тогда как менее образованные – для развлечения. Отсюда последние, по мнению исследователей, могли заменить Интернет на другой развлекательный источник, например телевидение, что и снизило их сетевую активность [40]¹. Возникает ремарка: почему первая группа, в свою очередь, не могла предпочесть иной поиск информации (посещение библиотеки, консультацию специалиста и т.п.)?

Что очень интересно, в ходе наблюдения вскрылась достаточно неожиданная тенденция, идущая в разрез с эмпирическими выводами иностранной аналитики. Если говорить о какой-либо форме зависимости от информации, предоставляемой сетью Интернет, то тогда как за рубежом носителями таковой становятся преимущественно представители подрастающего поколения (и это трактуется учеными как крайне негативный тренд), то на российской почве подобная подчиненность смещается в старшие возрастные группы.

Обозначенная закономерность (безусловно, требующая дальнейшей более детальной проверки на основе типической выборки) может служить определенным подтверждением теоретической гипотезы, заявленной в настоящей статье, о намечающейся социальной растрате накопленного человеческого капитала, проявляющейся в нарушении порядка ранжирования триады

¹ Специалистами исследовательского центра по изучению социального влияния Интернета США (Pew Research Center) были названы отличия американцев – приверженцев Сети (анализировались не только частота и регулярность выхода в Интернет, но и так называемое качество пользования, как то разнообразие целей и практик): ими оказались уровни дохода и образования (цит. по: [41. С. 372]).

Независимые ученые, на основе эмпирических данных также отделившие такие личностные факторы, как образованность и материальная обеспеченность, отметили у искомым респондентов стремление к поиску информации в Интернете, сделали вывод о появлении феномена «цифрового неравенства», по их мнению, еще скажущегося на человеческом капитале [42].

знание–информация–транспарентность. Попробуем найти объяснение выявленной тенденции. Общеизвестна дихотомическая природа профессионализма: углубление знаний в одной области приводит к пробелу знаний в другой области. Таким образом, именно квалифицированные работники лучше других понимают, что качество труда растет с образовательным уровнем и опытом или, иначе, стажем. Казалось бы, как раз эта группа участников обследования должна была предпочесть выбор специализированной помощи; однако, наблюдается обратное. Возникает риторический вопрос: не есть ли это признак того, что с изменением отношения к информации, как к связующему звену цепи, наиболее активная, образованная прослойка современного российского общества, обладающая *знанием*, делает *осознанный* выбор в пользу транспарентности?

Список источников

1. *Schultz T.W.* Investment in human capital // *American Economic Review*. 1961. Vol. 51, № 1. P. 1–17.
2. *Becker G.S.* Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. New York : Columbia University Press, 1964.
3. *Философия*: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М. : Гардарики, 2004.
4. *Tsoukas H.* The tyranny of light: The temptations and the paradoxes of the information society // *Futures*. 1997. Vol. 29, № 9. P. 827–843.
5. *Бунина В.Г.* От информационного общества к обществам знаний // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2010. № 2. С. 16–26.
6. *Endsley M.R.* Combating Information Attacks in the Age of the Internet: New Challenges for Cognitive Engineering // *HUMAN FACTORS: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society*. 2018. Vol. 60, № 8. P. 1081–1094.
7. *Вдовиченко Л.Н.* Социальные отношения в турбулентное время // *Социологические исследования*. 2012. № 3. С. 13–15.
8. *Пятов М.Л.* Дилетантизм и экономическая жизнь в условиях современности // *Вестник НГУЭУ*. 2019. № 1. С. 10–28.
9. *Черных А.И.* Медиаритуалы // *Социологический журнал*. 2012. № 4. С. 105–129.
10. *Fluck M., McCarthy D.R.* Information is power? Transparency and fetishism in international relations // *Globalizations*. 2019. Vol. 16, № 1. P. 1–16.
11. *Батыгин Г.С.* Социология интернет: наука и образование в виртуальном пространстве // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2001. № 1. С. 6–16.
12. *Orman L.V.* Information Paradox: Drowning in Information, Starving for Knowledge // *Ieee Technology and Society Magazine*. 2015. Vol. 34, № 4. P. 63–73. doi: 10.1109/MTS.2015.2494359
13. *Wang L., Luo J., Luo J., Gao W., Kong J.* The effect of Internet use on adolescents' lifestyles: A national survey // *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28. P. 2007–2013.
14. *Xin M., Xing J., Pengfei W., Houru L., Mengcheng W., Hong Z.* Online activities, prevalence of Internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China // *Addictive Behaviors Reports*. 2018. Vol. 7. P. 14–18.
15. *Park M.-H., Park E.-J., Choi J., Chai S., Lee J.-H., Lee C., Kim D.-J.* Preliminary study of Internet addiction and cognitive function in adolescents based on IQ tests // *Psychiatry Research*. 2011. Vol. 190, № 1-2. P. 275–281.
16. *Hong J.S., Kim D.H., Thornberg R., Kang J.H., Morgan J.T.* Correlates of direct and indirect forms of cyberbullying victimization involving South Korean adolescents: An ecological perspective // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 87. P. 327–336.
17. *Aboujaoude E.* The Internet's effect on personality traits: An important casualty of the "Internet addiction" paradigm // *Journal of Behavioral Addictions*. 2017. Vol. 6, № 1. P. 1–4.
18. *Stockdale L.A., Coyne S.M., Padilla-Walker L.M.* Parent and Child Technoference and socioemotional behavioral outcomes: A nationally representative study of 10- to 20-year-Old adolescents // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 88. P. 219–226.
19. *Boniell-Nissim M., Sasson H.* Bullying victimization and poor relationships with parents as risk factors of problematic internet use in adolescence // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 88. P. 176–183.

20. *Coelho V.A., Romao A.M.* The relation between social anxiety, social withdrawal and (cyber) bullying roles: A multilevel analysis // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 86. P. 218–226.
21. *Nasaesca E., Marín-López I., Llorent V.J., Ortega-Ruiz R., Zych I.* Abuse of technology in adolescence and its relation to social and emotional competencies, emotions in online communication, and bullying // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 88. P. 114–120.
22. *Martínez I., Murgui S., García O.F., García F.* Parenting in the digital era: Protective and risk parenting styles for traditional bullying and cyberbullying victimization // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 90. P. 84–92.
23. *Mihara S., Osaki Y., Nakayama H., Sakuma H., Ikeda M., Itani O., Kaneita Y., Kanda H., Ohida T., Higuchi S.* Internet use and problematic Internet use among adolescents in Japan: A nationwide representative survey // *Addictive Behaviors Reports*. 2016. Vol. 4. P. 58–64.
24. *Печерская Э.П., Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю., Плешаков В.А., Мацкевич М.Г.* Первые шаги детей в Интернете // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 74–80.
25. *Шпановалова И.С.* Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 148–151.
26. *Спиркина Т.С.* Исследование динамики Интернет-зависимости // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 159–161.
27. *Giedd J.N.* The Digital Revolution and Adolescent Brain Evolution // *Journal of Adolescent Health*. 2012. Vol. 51, № 2. P. 101–105.
28. *Опрос ВЦИОМ «А зачем Вам Интернет?»* № 2123 от 28.09.2012. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/mass-media/internet/article/a-zachem-vam-internet.html> (дата обращения: 06.11.2020).
29. *Опрос ВЦИОМ «Просторы Интернета: развлечения, общение, работа...»* № 2692 от 13.10.2014. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/mass-media/internet/article/prostory-interneta-razvlechenija-obshchenie-rabota.html> (дата обращения: 06.11.2020).
30. *Григорьева И.А., Келасев В.Н.* Интернет в жизни пожилых: намерения и реальность // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 82–85.
31. *Леваишов В.К.* Трансформация информационной сферы гражданского общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 4. С. 651–664. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-651-664
32. *Опрос ВЦИОМ «Досуг на фоне самоизоляции»* № 4260 от 15.06.2020. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/education-skills/article/dosug-na-fone-samoizoljatsii.html> (дата обращения: 06.11.2020).
33. *Castells M.* Materials for an exploratory theory of the network society // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51, № 1. P. 5–24.
34. *Van Dijk J.* The Network society. Social aspects of new media. London : SAGE Publications, 2006.
35. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В.Г. Николаева. М. : КАНОН-Пресс-Ц, 2003.
36. *Sastry S., Carroll P.* Doctors, patients and the Internet: time to grasp the nettle // *Clinical Medicine*. 2002. Vol. 2, № 2. P. 131–133.
37. *Ritterband L.M., Andersson G., Christensen H.M., Carlbring P., Cuijpers P.* Directions for the International Society for Research on Internet Interventions (ISRII) // *Journal of Medical Internet Research*. 2006. Vol. 8, № 3. P. 1–6.
38. *International Society for Research on Internet Interventions (ISRII)*. URL: <http://isrii.org/> (дата обращения: 06.11.2020).
39. *Mahmoodi N., Bekker H.L., King N.V., Hughes J., Jones G.L.* Are publicly available internet resources enabling women to make informed fertility preservation decisions before starting cancer treatment: an environmental scan? // *BMC Medical Informatics and Decision Making*. 2018. Vol. 18 (104), № 1. P. 1–16.
40. *Bonfadelli H.* The Internet and Knowledge Gaps: A Theoretical and Empirical Investigation // *European Journal of Communication*. 2002. Vol. 17, № 1. P. 65–84.
41. *Рыков Ю.Г., Нагорный О.С.* Область интернет-исследований в социальных науках // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 3. С. 366–394. doi: 10.17323/1728-192X-2017-3-366-394
42. *Hargittai E., Hsieh Y.P.* Digital Inequality: The Oxford Handbook of Internet Studies / ed. W.H. Dutton. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 129–150.

References

1. Schultz, T.W. (1961) Investment in human capital. *American Economic Review*. 51(1). pp. 1–17.
2. Becker, G.S. (1964) *Human capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. New York: Columbia University Press.
3. Ivin, A.A. (ed.) (2004) *Filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Gardariki.
4. Tsoukas, H. (1997) The tyranny of light: The temptations and the paradoxes of the information society. *Futures*. 29(9). pp. 827–843.
5. Bunina, V.G. (2010) Ot informatsionnogo obshchestva k obshchestvam znaniy [From information society to knowledge societies]. *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 2. pp. 16–26.
6. Endsley, M.R. (2018) Combating Information Attacks in the Age of the Internet: New Challenges for Cognitive Engineering. *HUMAN FACTORS: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society*. 60(8). pp. 1081–1094. DOI: 10.1177/0018720818807357
7. Vdovichenko, L.N. (2012) Sotsial'nye otnosheniya v turbulentnoe vremya [Social relations in turbulent time]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 13–15.
8. Pyatov, M.L. (2019) Diletantizm i ekonomicheskaya zhizn' v usloviyakh sovremennosti [Dilettantism and economic life in a contemporary context]. *Vestnik NGUEU*. 1. pp. 10–28.
9. Chernykh, A.I. (2012) Mediarituality [Mediarituals]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 4. pp. 105–129.
10. Fluck, M. & McCarthy, D.R. (2019) Information is power? Transparency and fetishism in international relations. *Globalizations*. 16(1). pp. 1–16. DOI: 10.1080/14747731.2018.1507698
11. Batygin, G.S. (2001) Sociologiya internet: nauka i obrazovanie v virtual'nom prostranstve [Sociology in Internet: scholarship and education in virtual space]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 1. pp. 6–16.
12. Orman, L.V. (2015) Information Paradox: Drowning in Information, Starving for Knowledge. *IEEE Technology and Society Magazine*. 34(4). pp. 63–73. DOI: 10.1109/MTS.2015.2494359
13. Wang, L., Luo, J., Luo, J., Gao, W. & Kong, J. (2012) The effect of Internet use on adolescents' lifestyles: A national survey. *Computers in Human Behavior*. 28. pp. 2007–2013. DOI: 10.1016/j.chb.2012.04.007
14. Xin, M., Xing, J., Pengfei, W., Houru, L., Mengcheng, W. & Hong, Z. (2018) Online activities, prevalence of Internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China. *Addictive Behaviors Reports*. 7. pp. 14–18. DOI: 10.1016/j.abrep.2017.10.003
15. Park, M.-H., Park, E.-J., Choi, J., Chai, S., Lee, J.-H., Lee, C. & Kim, D.-J. (2011) Preliminary study of Internet addiction and cognitive function in adolescents based on IQ tests. *Psychiatry Research*. 190(1-2). pp. 275–281. DOI: 10.1016/j.psychres.2011.08.006
16. Hong, J.S., Kim, D.H., Thornberg, R., Kang, J.H. & Morgan, J.T. (2018) Correlates of direct and indirect forms of cyberbullying victimization involving South Korean adolescents: An ecological perspective. *Computers in Human Behavior*. 87. pp. 327–336. DOI: 10.1016/j.chb.2018.06.010
17. Aboujaoude, E. (2017) The Internet's effect on personality traits: An important casualty of the “Internet addiction” paradigm. *Journal of Behavioral Addictions*. 6(1). pp. 1–4. DOI: 10.1556/2006.6.2017.009
18. Stockdale, L.A., Coyne, S.M. & Padilla-Walker, L.M. (2018) Parent and Child Technoference and socioemotional behavioral outcomes: A nationally representative study of 10- to 20-year-Old adolescents. *Computers in Human Behavior*. 88. pp. 219–226. DOI: 10.1016/j.chb.2018.06.034
19. Boniel-Nissim, M. & Sasson, H. (2018) Bullying victimization and poor relationships with parents as risk factors of problematic internet use in adolescence. *Computers in Human Behavior*. 88. pp. 176–183. DOI: 10.1016/j.chb.2018.05.041
20. Coelho, V.A. & Romao, A.M. (2018) The relation between social anxiety, social withdrawal and (cyber) bullying roles: A multilevel analysis. *Computers in Human Behavior*. 86. pp. 218–226. DOI: 10.1016/j.chb.2018.04.048
21. Nasaescua, E., Marín-López, I., Llorent, V.J., Ortega-Ruiz, R. & Zych, I. (2018) Abuse of technology in adolescence and its relation to social and emotional competencies, emotions in online communication, and bullying. *Computers in Human Behavior*. 88. pp. 114–120. DOI: 10.1016/j.chb.2018.06.036
22. Martínez, I., Murgui, S., García, O.F. & García, F. (2019) Parenting in the digital era: Protective and risk parenting styles for traditional bullying and cyberbullying victimization. *Computers in Human Behavior*. 90. pp. 84–92. DOI: 10.1016/j.chb.2018.08.036

23. Mihara, S., Osaki, Y., Nakayama, H., Sakuma, H., Ikeda, M., Itani, O., Kaneita, Y., Kanda, H., Ohida, T. & Higuchi, S. (2016) Internet use and problematic Internet use among adolescents in Japan: A nationwide representative survey. *Addictive Behaviors Reports*. 4. pp. 58–64. DOI: 10.1016/j.abrep.2016.10.001
24. Pecherskaya, E. P., Zvonovsky, V. B., Merkulova, D. Yu., Pleshakov, V. A. & Matskevich, M.G. (2014) Pervye shagi detey v Internete [First steps of children in the Internet]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 74–80.
25. Shapovalova, I.S. (2015) Vliyanie internet-kommunikatsiy na povedenie i intellektual'noe razvitie molodezhi [Influence of Internet communications on the behavior and intellectual development of youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 148–151.
26. Spirkina, T.S. (2008) Issledovanie dinamiki Internet-zavisimosti [Study of the dynamics of Internet addiction]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 311. pp. 159–161.
27. Giedd, J.N. (2012) The Digital Revolution and Adolescent Brain Evolution. *Journal of Adolescent Health*. 51(2). pp. 101–105.
28. VTsIOM. (2012) Opros VCIOM “A zachem Vam Internet?” № 2123 ot 28.09.2012 [VTSIOM survey “Why do you need the Internet?” No 2123 dated 28 September 2012]. [Online] Available from: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/mass-media/internet/article/a-zachem-vam-internet.html> (Accessed: 6th November 2020).
29. VTsIOM. (2014) Opros VCIOM “Prostory Interneta: razvlecheniya, obshchenie, rabota...” № 2692 ot 13.10.2014 [VTSIOM survey “The Internet: entertainment, communication, work ...” No 2692 dated 13 October 2014]. [Online] Available from: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/mass-media/internet/article/prostory-interneta-razvlecheniya-obshchenie-rabota.html> (Accessed: 6th November 2020).
30. Grigorieva, I.A. & Kelasiev, V.N. (2016) Internet v zhizni pozhilykh: namereniya i real'nost' [Internet in the life of the elderly: intentions and reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 82–85.
31. Levashov, V.K. (2019) Transformation of the information sphere of civil society. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 19(4). pp. 651–664. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-651-664
32. VTsIOM. (2020) Opros VTsIOM “Dosug na fone samoizolyatsii” № 4260 ot 15.06.2020 [VTSIOM survey “Leisure against the background of self-isolation” No 4260 dated 15 June 2020]. [Online] Available from: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/education-skills/article/dosug-na-fone-samoizolyatsii.html> (Accessed: 6th November 2020).
33. Castells, M. (2000) Materials for an exploratory theory of the network society. *British Journal of Sociology*. 51(1). pp. 5–24. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2000.00005.x
34. Van Dijk, J. (2006) *The Network Society. Social Aspects of New Media*. London: SAGE Publications.
35. McLuhan, M. (2003) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Translated from English by V.G. Nikolaev. Moscow: KANON-press.
36. Sastry, S. & Carroll, P. (2002) Doctors, patients and the Internet: time to grasp the nettle. *Clinical Medicine*. 2(2). pp. 131–133. DOI: 10.7861/clinmedicine.2-2-131
37. Ritterband, L.M., Andersson, G., Christensen, H.M., Carlbring, P. & Cuijpers, P. (2006) Directions for the International Society for Research on Internet Interventions (ISRII). *Journal of Medical Internet Research*. 8(3). pp. 1–6. DOI: 10.2196/jmir.8.3.e23
38. *International Society for Research on Internet Interventions (ISRII)*. [Online] Available from: <http://isrii.org/> (Accessed: 6th November 2020).
39. Mahmoodi, N., Bekker, H.L., King, N.V., Hughes, J. & Jones, G.L. (2018) Are publicly available internet resources enabling women to make informed fertility preservation decisions before starting cancer treatment: an environmental scan? *BMC Medical Informatics and Decision Making*. 18(104-1). pp. 1–16. DOI: 10.1186/s12911-018-0698-3
40. Bonfadelli, H. (2002) The Internet and Knowledge Gaps: A Theoretical and Empirical Investigation. *European Journal of Communication*. 17(1). pp. 65–84. DOI: 10.1177/0267323102017001607
41. Rykov, Yu. G. & Nagornyy, O.S. (2017) Internet Studies in Social Sciences. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 16(3). pp. 366–394. (In Russian).
42. Hargittai, E. & Hsieh, Y.P. (2013) Digital Inequality. In: Dutton, W.H. (ed.) *The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford: Oxford University Press. pp. 129–150.

Сведения об авторе:

Колычева В.А. – кандидат экон. наук, доцент, кафедра статистики, учета и аудита Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: v.kolycheva@spbu.ru; the-val@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kolycheva V.A. – Cand. Sci. (Economics), associate professor, Department of Statistics, Accounting and Auditing, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.kolycheva@spbu.ru; the-val@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.12.2020;
одобрена после рецензирования 07.06.2022; принята к публикации 11.07.2022
The article was submitted 01.12.2020;
approved after reviewing 07.06.2022; accepted for publication 11.07.2022*